

Е.В.Вертилецкая*

Судьбы советских военнопленных в годы Великой Отечественной войны

(По материалам личной коллекции Г.И.Копылова)

В Свердловской области к 1941 г. проживало 2,5 млн. жителей, включая эвакуированных граждан из других областей страны. За годы Великой Отечественной войны на фронт ушли более 700 тыс. человек, из них около 200 тыс. не вернулось домой. По данным «Книги Памяти» архива редакции при Свердловском областном военкомате, только из Сухоложского района, сравнительно небольшого в Свердловской области, с войны не вернулись 3613 человек. Патриотизм среди сухоложцев был достаточно высок, уже в первые три дня войны в райвоенкомат обратились 163 человека, из них 63 женщины, с просьбой зачислить их добровольцами в Красную армию. Были среди жителей Сухоложского района и герои. Крестьянин поселка Курьи Василий Сергеевич Рачев был награжден за храбрость и мужество двумя медалями и орденами Славы III степени и Отечественной войны III степени.

Война перевернула судьбы людей. Многие, героически сражаясь на передовых рубежах Родины, в первые дни и месяцы войны попали в окружение, в так называемые котлы, и были захвачены фашистскими войсками в качестве военнопленных. Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию о военнопленных 1929 г., поэтому миллионы советских солдат были лишены правовой защиты. 8 сентября 1941 г. немецкое командование издало «Памятку об охране советских военнопленных», где прямо говорилось, что гитлеровцы не будут распространять на советских военнопленных нормы международного права. Поэтому в фашистских лагерях

**Елена Валерьевна Вертилецкая* – аспирантка исторического факультета Уральского государственного университета (г. Екатеринбург).

смерти советские солдаты были поставлены в невыносимые условия, их расстреливали, вешали, умерщвляли при помощи яда и т.п. без суда и следствия. За годы Великой Отечественной войны в немецком плену оказались 5700 тыс. советских солдат, офицеров и генералов. Из них 3300 тыс. умерли от голода, холода, истязаний и изнурительного труда. Тем не менее, были люди, которые и в таких нечеловеческих условиях сумели выжить, не подчиниться воле врага, а при первой же возможности вредить немцам и уничтожать своих палачей. Жизнь их в фашистских лагерях смерти сама явилась подвигом, а умение выжить – героизмом. Среди наших земляков-уральцев были те, кто попал в немецкий плен в 1941 г. и прошел ад фашистских лагерей смерти. Воспоминания одного из них, Георгия Илларионовича Копылова, 1917 года рождения, уроженца д. Вальной Курьинского сельсовета Сухоложского района Свердловской области, объединенные в личную коллекцию, хранятся в Государственном архиве административных органов Свердловской области.

Георгий Илларионович Копылов попал в плен 13 сентября 1941 г. в результате окружения под г.Ревель, Эстония, после чего находился в лагере для военнопленных около г.Таллин. В коллекции представлены его воспоминания об этом месте: «Группа наша от строительных работ освободилась и приступила к старой работе, к зарыванию трупов. Набрасаем трупы, завалим землей сверху на глубину 10-15 см и снова бросаем, и так до самого верха. А когда подошли морозы, зарывать мертвецов стали уже тогда, когда до самого верха набрасывали, т.е. клали друг на друга...»

Из директивы управления VIII военного округа (Бреслау) от 28 октября 1941 г. «О советских военнопленных»: «Советских военнопленных следует зарывать в землю раздетыми, завернутыми только в оберточную бумагу и без гробов...»

Массовые казни советских солдат без вынесения приговора суда достигли своего пика к концу 1941 г. Охранники не считались ни с чем, за малейшую провинность до смерти избивали человека, а при любой попытке к бегству или выходу из строя убивали на месте. Георгий Илларионович Копылов описывает такой случай: «Было в нашей группе два родных брата. Они решили выйти из строя, чтобы сорвать несколько капустных листков. Один подошел к охраннику, стал упрашивать его, а второй давай уже рвать. Охранник ни на какие уговоры не пошел, оттолкнул упрашивающего, а рвущего листы убил наповал. Второй брат бросился на него, хотел

вырвать автомат, но на помощь подоспели остальные охранники и давай прикладами бить. Убили второго брата...»

Охранники-полицай были из таких же военнопленных. Это были отщепенцы, которые за лишнюю пайку хлеба продавали своих товарищей по несчастью, издевались и убивали так же жестоко, как фашисты. Советские военнопленные ненавидели полицаяв, а с приближением окончания войны стали устраивать над ними товарищеские суды. Георгий Илларионович Копылов пишет о таких предателях следующее: «Они думали, как спасти свою шкуру, хотя бы за счет нас. Найти себе кусок, отнять его у нас, украсть у фашистов или заработать продажей – предательством своих, русских. Это для них было все равно, лишь бы спасти свою жизнь. Начальник лагеря объявил о том, что из нас нужно двух полицаяв, и эти люди сразу же кинулись из строя, как собачки к куску хлеба или мяса. Это были Соколов Петр, парень лет 25, со строгим взглядом и грубым голосом. При разговоре всегда делал какие-то жесты, напоминающие о его прошедшей жизни хулигана или бандита. Второй тип мало отличался от первого, когда он начинал говорить, то казалось, что других слов, кроме «замолчи», «убью», не умел говорить. И был настолько непроходимо глуп, что невольно возникал вопрос – а где же он рос? неужели в Советском Союзе? Это был Иван Рябый. Итак, с первых же дней у нас появились свои «начальники», свои собаки, помогающие калечить, умерщвлять нас, русских людей». Из таких отщепенцев-предателей, а также из так называемых, «национальных групп среди военнопленных и гражданских лиц» фашисты пытались вербовать для разного рода национальных формирований, в том числе для Российской освободительной армии генерала Власова. После начала освобождения оккупированных гитлеровцами советских территорий был принят специальный законодательный акт – Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». В нем говорилось, что изменники будут караться смертной казнью через повешение, а пособники – ссылкой на каторжные работы от 15 до 20 лет.

Конец 1942 – начало 1943 г. был переломным периодом в ходе боевых действий. У немцев в тылу и на фронте наступило время неудач. Победа советских войск под Сталинградом переросла в общее наступление на огромном фронте от Ленинграда до Кавказа, а после поражения под Прохоровкой немецким войскам до конца

войны не удалось овладеть стратегической инициативой. Изменилось и положение военнопленных. С конца 1942 г. по всем немецким лагерям вышел циркуляр с запрещением расстрелов и убийств без суда. Фашисты устраивали показательные суды, итогом которых становилась неминуемая гибель советских военнопленных. Георгий Илларионович Копылов вспоминает такой эпизод: «Смотрим, на площади выстроен лагерь – море военнопленных, а ведь было уже поздно. Себя не видишь, а на людей смотришь. Во всякой одежде были люди, были и такие, у которых на ногах были намотаны одни тряпки. Когда завернули за контору-управление, на пригорке увидели следующее: возвышались две перекладины и на одной из них висел труп и было подготовлено еще шесть петель. Около перекладины, на высоте одного метра, сооружен высокий помост, на котором стояли два стола и стулья. Когда нас подвозили к виселицам, мы дрогнули – явно все это готовилось для нас. Около 60 тысяч военнопленных устремили взоры на нас. Зачем руководство лагеря организовало этот спектакль – не знаю до сих пор. Всегда, без всякого суда и следствия нашего брата убивали, вешали и т.д. На сей раз было задумано устроить судилище. За первым столом сидел судья с двумя человеками, за вторым столом был обвинитель – немецкий офицер в очках, высокий, толстый ариец. Итак, начался суд. Обвинителем было зачитано все, что они сделали, назначена была и мера наказания. Переводчик что-то переводил со слов судьи. Кто-то из наших, из первых стоящих, закричал с ревом: «Товарищи, наши уже прорвали фронт и ск...». Когда товарищ заговорил, судья и обвинители заерзали на стульях. Один солдат развернулся и сильно ударил автоматом выступающего, ударил так, что тот упал, а потом потащили трех человек на виселицу, в том числе выступающего».

Военнопленные даже в таких тяжелейших условиях находили в себе силы противостоять фашистам, а по мере приближения фронта к границам Советского Союза стали использовать малейшую возможность, чтобы нанести вред своим мучителям. В лагерях организовывались целые группы по вредительству и пропаганде. С конца 1944 г. Георгий Илларионович Копылов входил в такую группу, которая состояла из звеньев. В своих воспоминаниях он приводит пример деятельности своего звена: «Мы ремонтировали паровозы, во время работы нужно было вывести машину из строя. Где, где, а у нас была возможность подложить для немцев неприятности. Сделай швы между кирпичными блоками больше

положенного или не установи точную опору блоков в стенки. Тогда после розжига котла начинался обвал свода, после этого котел уже не мог нормально работать, нижние трубы будут перегреваться, перегорать. Мы начали вредить с ходовой части паровоза, стало получаться. Паровозы не стали укладываться в свои графики и возвращались в депо. Потом нам было предложено на одном паровозе забить песком несколько труб, сложить свод плохо и, конечно же, разладить тормозную систему. В шестнадцати паровозах было сделано это, а в семнадцатом, особом, было предложено во всех трех узлах подsunуть «мину». Мы не знали своего руководителя группы, но знали, что это нужно, и делали, мстили немцам».

После того как фронт вплотную подошел к Германии, отношение к военнопленным постепенно менялось, оружие стали применять далеко не во всех случаях, полицаи стали побаиваться и охладили свой пыл, а после вступления советских и союзных войск на территорию того населенного пункта, где находился лагерь, охрана из немцев и полицаев разбегалась.

Советские военнопленные, бежавшие к линии фронта, освобожденные советскими и союзными войсками, проходили фильтрацию на фильтрационно-проверочных пунктах в советской зоне оккупации. Не всегда для военнопленных эта процедура была радостной. Георгий Илларионович вспоминает про это с горечью: «Американцы быстро на своих виллисах и других маленьких машинах стали подбрасывать нас к мосту. На мосту стояли на нашей стороне русские, на левой стороне американцы со списками в руках. У нашей братвы было приподнятое настроение, каждый думал о встрече со своими братьями. Как нас встретили на речке Мульда? А вот как: я взошел на мост и бросился целовать нашего пожилого солдата, он меня оттолкнул своим автоматом, сказав: «Топай, топай, предатель, надо грязь смыть, а потом лезть целоваться!» Меня эти слова так ожгли, я уже потом ни о чем не думал, всему приказанному повиновался». Многие годы к нашим солдатам, побывавшим в фашистском плену, относились с недоверием и подозрительностью. Указ Президента РФ №63 от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и послевоенный период» восстановил гуманность и справедливость в отношении тех, кто числился в списках как без вести пропавшие, погиб в нацистских лагерях или сумел выжить в нечеловеческих условиях фашистского плена.